

СЕГОДНЯШНИЙ ВЫПУСК «КАДРА» ПОСВЯЩЕН
ОДНОМУ АКТЕРУ — И. СМОКТУНОВСКОМУ. ЕГО
ГАМЛЕТ ПРЕДСТАВЛЕН НА СОИСКАНИЕ ЛЕНИН-
СКОЙ ПРЕМИИ.

А К Т Е Р Х Х В Е К А

АННОНС, РЕПОРТАЖИ,
ВЕСТИ С КИНОСТУДИИ
ДИСКУССИИ,
РЕПЛИКИ, ЗАМЕТКИ
РЕЦЕНЗИИ,
ТВОРЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ,
ИНТЕРВЬЮ

О СМОКТУНОВСКОМ хочется не писать, о нем хочется думать.

Например, думать над необычностью его судьбы. Иннокентию Смоктуновскому 40 лет. В двадцать, вернувшись с фронта, он начал играть. Двенадцать из этих двадцати ушли на призвание.

Помнится, кто-то из актеров, рассуждая о случае, вспоминал, что во ВГИКе Н. Тихонов был самым красивым студентом на курсе, все любили его и по-хорошему завидовали легкому и ясному его будущему. Вышло все иначе; его сверстники сыграли главные роли, а он все оставался «красивым парнем» во втором плане. Понадобился случай, чтобы сделать из Тихонова актера: кто-то поверил в его талант и дал главную роль в «Чрезвычайном происшествии».

Случайность привела П. Глебова на «Мосфильм» как раз в то время, когда там снимался «Тихий Дон» и нужен был Мелихов.

В общем — случай, фортуна в образе режиссера, обычная штука в кино... И все же не зря говорят, что случай идет навстречу тому, кто его ищет.

Смоктуновскому тоже помог случай. Но есть что-то отчаянное, мужественное и величественное в том, как он прожил эти двенадцать лет, дожидаясь своего случая.

Он начинал в студии Красноярского драматического театра, с кем-то не поладил и скоро ушел оттуда. Перепробовал множество работ, скитался по Сибири, пока не пристал в маленьком полупрофессиональном театре в Норильске. Начались переезды из города в город — Махачкала, Грозный, Волгоград... Он был уже замечен, сыграл несколько больших ролей — Белогузова в «Доходном месте», Хлестакова в «Ревизоре». И вдруг снова все бросил и уехал в Москву. Главные режиссеры один за другим отвергали его. Дальше разовых ролей в театре им. Ленинского комсомола дело не шло. Кого-то заменял в поездке Театра киноактера. Зиму ходил в лыжном костюме вместо пальто, ночевал то у знакомых, то за кулисами, все чего-то ждал. Было ему в ту пору тридцать два... и где-то в душе он был уже князь Мышкин, Фарбер, Илья Ку-

ликов, Гамлет. Уже после того, как он стал тем Смоктуновским, каким его знают теперь, его спросили, что он любит делать в свободное время. Оказалось — проигрывать еще раз позвавшиеся куски из ролей. Никто не решился спросить, когда возникло у него это желание...

Повезло ему в Ленинграде, где его открыли дважды. Сначала Ю. Иванов, ставивший фильм «Солдаты» (по повести В. Некрасова «В окопах Сталинграда») предложил ему роль Фарбера. Потом, уже в ходе репетиций, с ним познакомился Г. Товстоногов, который был в ту пору одержим мыслью поставить «Идиота» Достоевского. Товстоногова поразили глаза Смоктуновского. Сходство с образом, уже нарисованным в воображении, было столь поразительным, что он сразу и, не раздумывая, предложил ему главную роль.

Успех был полный: правда, «Солдаты» по разным причинам почти не увидели большого экрана, но все же критики тотчас обратили внимание на Фарбера; что же касается князя Мышкина, то он сделался гвоздем сезона, смотреть его приезжали со всей страны, а сам этот спектакль скоро стал театральной легендой...

Так начинался Иннокентий Смоктуновский. Теперь уже невозможно не знать его имени, странно не желать видеть его... Но вот любопытная особенность: прошло восемь лет, как Смоктуновский сыграл князя Мышкина, пять лет — как он снялся в роли Ильи Куликова, почти под — как живет его Гамлет, а о нем не написано ни одного серьезного исследования. И, между тем, все понимают, что Смоктуновский — не просто талантливый актер, что он принес с собой в наше искусство что-то новое, необычное и чрезвычайно важное.

Разумеется, газетная статья — не совсем удобное место для серьезных исследований, поэтому, попробуем определить хотя бы то главное, что принес с собой И. Смоктуновский. Размышляя об этом, «Известия» писали недавно, что Смоктуновский не создал «галереи образов». Это действительно так. Но Смоктуновский создал нечто большее — он предложил но-

вый метод исследования характера.

В свое время физики полагали, что атом — самая маленькая частица вещества. Прошло время, и они убедились, что атомы в свою очередь распадаются на еще более мелкие частицы — нейтрон, протон и т. д. Это открытие означало новую эпоху в исследовании материи, границы нашего познания о ее строении резко расширились.

Нечто аналогичное произошло и в искусстве. До сих пор наш кинематограф руководствовался «атомарной теорией». Смоктуновский первый «расщепил» челове-

в всех его работах, ибо сам Смоктуновский не сразу пришел к ней. Он выработывал ее годами и проверял в каждой новой роли. Достаточно мысленно «прокрутить» в памяти все, что было сыграно Смоктуновским в кино, чтобы убедиться в этом.

Лет 6—7 назад как-то не очень замеченным прошел небольшой, но теплый и удивительно художественный фильм «Ночной гость» (по сценарию Ю. Нагибина). Смоктуновский играл в нем главную роль. В то время фамилия эта мало что говорила широкому зрителю и, может, поэтому мно-

Когда на экраны вышел «Девять дней одного года», Смоктуновского уже знали, но в этом фильме многие не могли принять его. Это было не неприятие героя — это было неприятие метода. Людям, долгие годы привыкшим к глазам Медведя, темпераменту Тихонова, простоте Рыбникова, было трудно вот так неожиданно, на другой день, научиться понимать глаза Смоктуновского, привыкать к изящной и глубокой простоте его Куликова, следить за скрытым и неизвестным им темпераментом. Приучившись видеть в герое одну главную линию, они невольно растерялись, убедившись, что эта линия может дробиться, расплываться и делиться на линии еще более тонкие и чувствительные. Их смущала постоянная ирония Куликова, его скептицизм и снисходительное отношение к вещам самым серьезным, а главное — смущало то, что все это укладывается в понятие «положительный герой». Понадобилось время, чтобы понять, что в этом человеке нет борьбы между долгом и чувством, так часто и искусственно выдвигаемой в кино, и что это кажущееся противоречие — особая и тонкая духовная организация внутреннего мира. Куликов — Смоктуновский выполняет свой долг, исходя из своих чувств. Но само его отношение к долгу сложно. Его ирония — смесь красноречия, модного интеллектуального удалства и потребности спрятать от других настоящее чувство. Но это спрятанное глубоко чувство все же прорывается — в отношении к Леле, в преданности дружбе, на которую оказывается способен этот очень элегантный, очень знающий себе цену и очень склонный все высмеивать человек.

Смоктуновский снимался не так уж много. Гораздо меньше, чем другие, но его уже стали упрекать в том, что он повторяется. Это было все равно, что упрекать хирурга за то, что он пользуется скальпелем, а не ножом. Нужен был «Гамлет», чтобы все поняли, что речь идет не об одном актере, а о целом направлении в искусстве.

Любопытно, что известный советский шекспировед А. Аникст советовал Г. Козинцеву делать немой

фильм. Козинцев, конечно, не стал делать немой фильм, но он совершенно отказался от стиха, взяв почти полностью прозаические диалоги «Гамлета», а из стихотворных лишь те, которые были близки к разговорной речи. Понятно, что это обстоятельство определило и выбор актера на главную роль. Сравнявая позже Гамлета Смоктуновского и Гамлета знаменитого англичанина Лоуренса Оливье, А. Аникст писал: «При просмотре английского фильма у меня все время было ощущение: мне показывают, как играет Гамлета великий актер...

Гамлет — Оливье, действительно, вызывает восхищение. Гамлета Смоктуновского мы любим так, как можно любить бесконечно близкого и дорогого человека».

В этих словах выражена сущность актерского метода Смоктуновского. Он — актер двадцатого века, современник прежде всего. Он был современником в Фарбере и в Ночном госте, в Илье Куликове и в Геннадии из «Високосного года». Он остался современником в Гамлете.

В жизни любят повторять: скажи мне, кто твои друзья, и я скажу, кто ты. В кино, наверное, это звучит несколько иначе: скажи мне, у кого ты снимался, и я скажу, кто ты. И. Смоктуновский снимался у М. Рома и Г. Козинцева. Его превосходство признал А. Баталов, актер, в значительной мере подготовивший появление самого Смоктуновского и очень близкий ему по пониманию искусства. Смоктуновский не сыграл ни одной плохой роли и всегда отказывался от предложения заманчивых, но пустых. Он сказал, что любит людей добрых и играть хотел бы людей добрых. Он мечтает сыграть Пушкина в расцвете его сил и пробует в роли Ленина. Он любит Достоевского, Толстого, Шекспира, Монтеня, и хочет сняться в роли Итана Аллена Хоули из «Зимы тревоги нашей» Стейнбека. Он как-то сказал, что, выбирая между кино и театром, выбрал кино, но он очень любит Товстоногова и Эфроса и будет играть у Эфроса Третьякова в чеховской «Чайке». Он очень талантлив, этот человек, и ему всего сорок лет.

Г. КОСТИН.

И. Смоктуновский в роли Гамлета.

ческий характер и начал его углубленное исследование. Полутона, оттенки, намеренная недоговоренность, позволявшая видеть человека объемнее, тоньше и значительнее, — словом, необычная сложная духовная организация его героев стали той особенностью его творчества, которую назвали впоследствии «интеллектуальностью» и которая в самом деле является его главной отличительной чертой.

Эту сторону дарования Смоктуновского можно обнаружить не в одном только «Гамлете», хотя здесь она достигла своего апогея. Ее легко заметить теперь во

гим теперь странно и неожиданно будет узнать в этом актере Гамлета. Но, вспомнив хорошенько, они легко представят себе белое, чуть припухшее лицо с тихими крадучивыми глазами, тонкие руки, быстрым брезгливым движением скользнувшие по печи — не пачкает ли; потом эти же руки, мягко, словно кошку, сбросившие с колен хозяйскую девочку, которую только что гладили; и снова эти руки, тщательно и торопливо обтирающие ножичек перед едой... — в этих легких, быстрых движениях была вся биография человека, страстно, одинокого и ненужного людям.